

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 236–244.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 236–244.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244

О КНИГЕ Г. А. ЛАНДАУ «СУМЕРКИ ЕВРОПЫ»

Рецензия на книгу: Ландау Г. А. Сумерки Европы.

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 360 с. (Серия «Письмена времени»)

Екатерина Андреевна Гуреева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

eagureeva@edu.hse.ru

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гуреева Е. А. О книге Г. А. Ландау «Сумерки Европы» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 236–244. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244>.

Academic Life. Reviews

ABOUT THE BOOK OF G. A. LANDAU *TWILIGHT OF EUROPE*

Book review: Landau G. A. *Twilight of Europe*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. 360 p. (Series “Letters of Time”)

Ekaterina A. Gureeva

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, eagureeva@edu.hse.ru

Acknowledgments: The review was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

© Гуреева Е. А., 2022

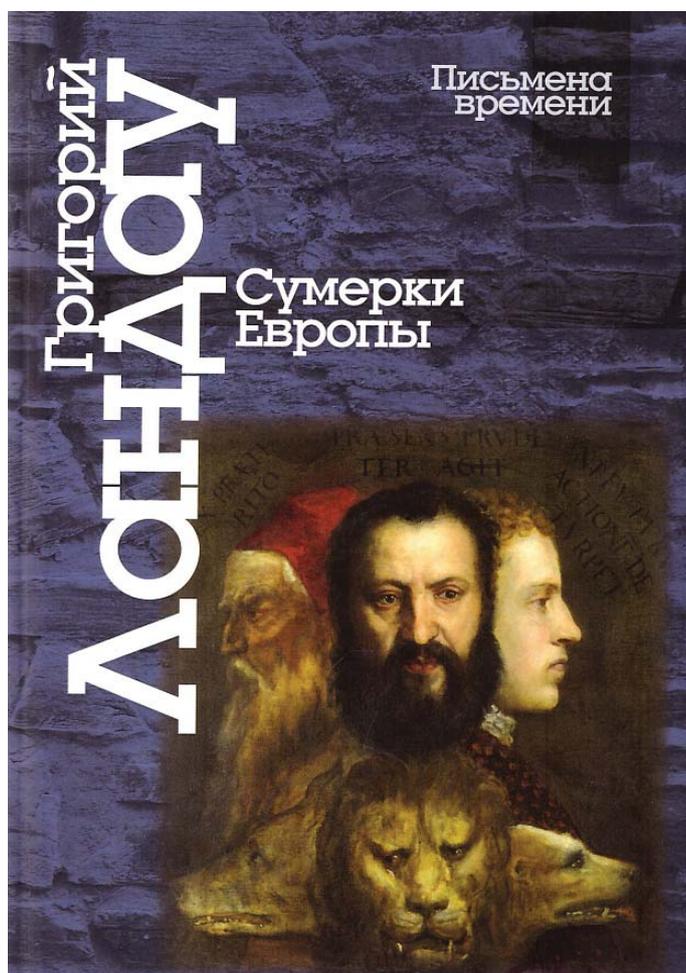

For citation: Gureeva, E.A. (2022) 'About the Book of G.A. Landau *Twilight of Europe*', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 236–244. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244.

Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) — философ и культурфилософ русского зарубежья, имя которого долгое время оставалось в сумерках, в тени. Он был неудобным мыслителем, «чужаком решительно во всех лагерях» [Степун, 1956, с. 301–303], но не мог не вобрать в себя весь дух переживаний трагедии Первой мировой войны, первых революций и их эсхатологическое влияние на развитие цивилизации.

Книга впервые издается в России лишь спустя век после первой и единственной публикации в Берлине в 1923 году. Однако актуальность переиздания очевидна: моральное затмение и ненависть, раздробленность и война, о которых пишет мыслитель, окутали весь мир, всю Европу в частности. В предисловии Г. А. Ландау отмечает, что книга писалась долго, на протяжении восьми лет: в моменты первого предвидения предстоящего упадка, в моменты духовной блокады военных лет и в моменты нестабильности, хождения над пропастью в период эмиграции, жизни на чужбине. Некоторые главы книги представляют собой статьи, напечатанные в «Северных записках» в разное время. Основная задача философа — понять и осветить произошедшее, проанализировать важнейшие последствия катастрофы для Запада, менее наглядные для нас, рассказать свою правду, слушать ей и созерцая ее непреклонно.

Название книги явно перекликается с названием труда «Закат Европы» (“*Der Untergang des Abendlandes*”), в котором его автор Освальд Шпенглер констати-

рует упадок и гибель культуры западного мира. Несмотря на общую канву размышлений двух философов, они описывают и приходят к разным выводам: Ландау, в отличие от Шпенглера, полагает, что нынешние сумерки и нынешняя болезнь не ведут к неизбежной смерти европейской цивилизации. Он считает, что после великого срыва жизнь так или иначе продолжается, но в новых формах (с. 228). В этом плане мыслитель, с одной стороны, остается довольно категоричен в собственном отношении к культуре Запада, с другой — оставляет пространство для идейного развития концепции «сумерек Европы».

В качестве послесловия публикуется статья И. Ю. Зая, в которой труд Г. А. Ландау встраивается в общекультурный, общефилософский, общевременной контекст. Отмечается, что автор предвосхитил, опередил свое время, ведь всё написанное им было и актуально для переживших Вторую мировую войну, и актуально для нас, живущих сейчас, переживающих локальные гибридные войны, раздробленность народов и наций, повсеместную ненависть и раздражение. И. Ю. Зая переносит высказанные Г. А. Ландау тезисы в область современной культуры и межкультурной коммуникации, отмечая, что труд Ландау может помочь более трезво взглянуть на взаимодействие Запада и России, их спасение, спасение мировой цивилизации, которая сейчас находится на грани. Так, удачным оказывается протяженное время написания книги, которое позволило захватить как интерпретации культуры непосредственно во время войны, так и довоенное и послевоенное время, что в конечном итоге позволяет проводить аналогии, видеть цикличность исторических процессов, о которых говорит И. Ю. Зая.

Содержание первого раздела книги вращается прежде всего вокруг предпосылок и причин Первой мировой войны: военного максимализма, слабости демократии, военной обстановки в мире; вокруг идей войны, например самоопределения национальностей; а также вокруг идей мира и очевидных последствий войны — ожесточенной взаимной ненависти, повсеместного недоверия и обмана, раздробленности европейской цивилизации. Однако идеи, предлагаемые Ландау, не выходят на достаточный уровень абстракции и ясно выражаются в конкретных исторических примерах, что сужает круг использования теоретической рамки, представленной в тексте.

Г. А. Ландау называет воинствующее миротворчество, максимализм военных целей, выразившийся в лозунге Антанты «Вечный мир», первыми и одними из основных причин войны¹. Война парадоксально оправдывалась

¹ В этом смысле размышления Г. А. Ландау могут быть встроены в полемику с Бентамом или Кантом, а также с русскими философами В. С. Соловьевым и К. Н. Леонтьевым о возможности и осуществимости Вечного мира.

всечеловеческой, внеисторической, абсолютной и священной задачей, миром и пацифизмом, последующими после войны. Военный максимализм проявлялся и в беспредельности жертв, в войне «до конца», чтобы никогда больше не было ни жертв, ни ужасов, чтобы воцарился вечный мир. И именно этот военный максимализм послужил почвой для появления и активного развития максимализма националистического и социального (с. 41). Все цели гуманитарно-идеалистического максимализма были направлены в первую очередь на результаты в будущем, но война во имя предполагаемого будущего — преступление, потому как будущее неисповедимо и каждая капля крови, каждая гибель, случившаяся не для задач исторического дня, не для настоящего, есть жертва напрасная (с. 42–43). Потому-то Ландау и отмечает, что война может быть оправдана не максимализмом поставленных целей и задач, а их минимализмом, их предельной необходимостью.

Предпосылками к возникновению максимализма стала гордыня неограниченных преодолений, уверенность в человеческом могуществе в начале века (с. 48). Культурное ощущение расцвета и самоощущение превосходства было перенесено на задачи войны, перешло к социальному самоощущению. Духовно-господствующие круги подтолкнули к этому массы, разожгли в них огонь и страсть к строительству «идеального» мира, а они в свою очередь превратились в действующую силу этого максимализма.

В этом, как утверждает Г. А. Ландау, есть вина и демократического строя, в котором для управления народом, способным и готовым в любой момент распасться на многочисленные самодовлеющие группы, необходима сильная власть, направляющая массы и сплачивающая их, вызывающая в них индивидуальные стихийные переживания для поддержания государственной необходимости. Власти развивают в массе ненависть и презрение к врагу, взвинчивают ее и ослепляют святостью поставленных и преследуемых задач. В основе разрушительной идейности военного и послевоенного времени лежит духовность массового человека, мещанина, перенесенная на государственность (с. 145). Остановить массу и управлять ею — задача невыполнимая, поскольку остановить войну на половине пути, чтобы избежать жертв или больших разрушений, было уже невозможно, как и остановить или предотвратить многовековую ненависть, моральное затмение. Между народами Запада на долгое время устанавливается тяжесть общения, ненависть и обман. Мир обменивается товарами, но не людьми и не идеями (с. 25). Сумерки Запада — это и культурное затмение. Война привела к концу эпохи общеевропейской культуры, к расщеплению и разрушению ее на отдельные локальные культуры, ослабевшие в силу своей раздробленности (с. 32).

К подобной же раздробленности могла привести и идея самоопределения национальностей, их государственного выделения, ставшая продолжением идей максимализма, которая исключает возможность говорить о Европе как о целостном политическом и культурном субъекте. Г. А. Ландау отмечает, что выделение этнических групп в отдельные государства могло привести не только к социально-правовым и экономическим негативным последствиям, но и к общекультурным. Дробление и провинциализация культур ослабили бы человечество, замедлили накопление им культурной мощи и сделали бы невозможным разрешение великих задач (с. 88–89). Самоопределению, которое провозглашала Антанта, был противопоставлен империализм Германии. Консервативно-регрессивному было противопоставлено творческо-прогрессивное. Охранительство противопоставлено творчеству.

Г. А. Ландау выделяет две черты заключенного мира: он был предопределен инерцией войны, которая была и силовой, и идейной, — инерцией дел и слов. Мир приобрел разрушительное значение в силу неограниченности и отсутствия механизмов сдерживания победителей. Созданная Лига Наций, которая как бы воплощала идею Вечного мира, единства народов в совокупности с сохранением самостоятельности наций и народов, по мнению мыслителя, не справляется с возложенными на нее задачами: не устраняет зависимость малых государств от больших, а лишь усугубляет разрыв, создавая и обостряя конфликты. Лига Наций является лишь продолжением военной идеологии. Любой механизм, созданный по инерции войны, становился бы продолжением такой идеологии, а способом ее избежать стало бы только «насаждение» механизма извне странами с более успешным опытом, которые не были включены в конфликт. Продолжением военной идеологии является и гражданско-правовой подход к восстановлению мирной жизни, связанный с выплатой репараций, контрибуций и аннексиями. Инерция направлена в первую очередь на индивидуальное и восстанавливающее, а не на общее историческое и творческое движение, а потому приводит к прежнему устройству мира. По Ландау, восстановление невозможно, поскольку объективно немислимо возместить и вознаградить нанесенный войной ущерб, особенно ущерб и трагедию, привнесенные в жизнь каждого отдельного человека. Единственное, что можно сделать всем пережившим и перестрадавшим подобные великие крушения, — постараться понять изнутри и оценить произошедшее, закрепить пережитое и познанное в мыслях, оценках и образах.

Вторая часть «Сумерек Европы» посвящена рассмотрению и анализу последствий войны и мирного соглашения для двух коалиций — европейской, во главе которой находилась Германия, и мировой, образованной Францией.

Г. А. Ландау выделяет несколько тенденций, характерных для мировой коалиции. Среди них, например, тенденция к распаду на составные части в борьбе за добычу, а также тенденция закрепления в мирной организации той гегемонии, которая была выработана в военное время.

Мыслитель отмечает, что после заключения мира Франция осталась с Германией один на один, а Англия и Америка отошли в сторону. Ключом к пониманию европейского положения послевоенного времени, как утверждает Ландау, является парадоксальная формула «победитель слабее побежденного». Побежденная Германия потенциально сильнее победившей Франции. Потенция эта заключалась в численности, уровне грамотности, организованности, распорядительности, накоплении и распространении знаний. Германская коалиция претерпела несравненно больше Антанты, но всё же Франция претерпела больше Германии. Однако остается неочевидным, как именно потенция Германии становится более влиятельной, чем идеологическое поражение.

Главным и самым важным последствием для Франции в историческом смысле стало ее положение «меж двух огней»: она могла стать либо англо-американским вассалом, чтобы чувствовать защищенность и удовлетворенность в результатах войны, либо остаться победителем, который слабее побежденного. Этим положением определяется последующая послевоенная политика, Версальская и послеверсальская. Франция не могла выйти из этого положения путем сохранения военных союзов, а потому следовало искать пути умаления сил противника, то есть Германии, нанесения ей ущерба, который покрывал бы собственные потери. Заключение Версальского мира удовлетворило желание Франции нанести непоправимый урон Германии: Германия лишалась частей своего населения, земли, недр и культуры. Этими действиями подавлялся культурнейший народ, его производительная и творческая сила. И этим же был нанесен крупный ущерб не только Германии, но и Европе в целом. Она разрушалась, самоуничтожалась. Франция, устраивающая гегемонию в Европе, не только помешает другим странам творить, но и сама перестанет это делать: «образ тюремщика, лишь немногим более свободного, чем заключенный, которого он сторожит на уединенной, морем обмываемой скале, — вечный символ подобных отношений» (с. 190).

На первый план выходит парадокс, в котором, с одной стороны, налицо единый политический субъект, наполненный внутренними конфликтами, не разрешающимися так, чтобы привести к максимизации политической, культурной и идеологической целостности, с другой — эти внутренние конфликты всеобщее приближают конец культуры. Такое амбивалентное влияние

внутренних конфликтов приводит к необходимости непосредственного рассмотрения их природы, в частности природы милитаризма государств-антагонистов.

Ландау отмечает, что в современном обществе индустриализм не противопоставлен милитаризму; мир — основа войны, потому как на войне используются в первую очередь умения, навыки, организация и ценности мира, достижения науки и труда, мораль и общественный дух. Фронт всегда опирается на тыл. Самодовлеющего милитаризма в современности быть не может, потому что не могут задачи гражданского общества быть отделены от задач военных. Милитаризм Франции и милитаризм Германии — два разных современных милитаризма. Одни старались реализовать задачу самообороны и защиты, другие — задачу творческого роста страны. Для одних он являлся орудием оборонительного движения, для других — наступательного. Первые своим милитаризмом губят мир и Европу, их культуры, вторые — заставляют их развиваться, расти (с. 208–217).

Война была неизбежна потому, что Германия развивалась и разрасталась очень активно, а другие европейские и мировые народы не хотели допустить такого ее роста. У одних вина — в творчестве и деятельности, у других — в сохранении завоеванных или созданных ранее благ. Невозможно решить спор между творчеством и самосохранением мирным путем, без силового утверждения (с. 236–238).

После войны главной задачей Германии и Европы стал не реванш, а восстановление. Ландау предположил, что найти опору и силы для этого Германия может в странах Средней Европы, что придаст ей новый вид, новое распределение центров, но, в сущности, не изменит того положения новой Европы, которое расположило центр ее тяжести в северо-центральной части, в Германии.

Этническое самосознание Ландау наталкивает его на рассуждение о тесно связанных с западноевропейской культурой самых близких ему народах — евреях и русских, которые, как и он сам, оказываются в послевоенное время в уязвимом положении. Тягчайший удар был нанесен восточноевропейскому еврейству: война непрерывно проходила на территориях, населенных евреями, которых бедствия войны и военных мер коснулись напрямую. Судьба европейского еврейства теснейшим образом связана с судьбой восстановления Европы в целом, Германии и России в частности. Линии европейских судеб на тот момент были не ясны: останется ли Европа в развалинах или найдет силы воскреснуть? Ответ на этот вопрос каждый может дать сейчас, оглядываясь на вековые мировые события, будь то Февральская и Октябрьская революции, Вторая мировая война или современные вооруженные конфликты.

Третью часть «Сумерек Европы» Ландау начинает с разговора о развитии культурного взаимовлияния стран всего мира, которое происходит с развитием технологий. Все страны открыты к сотрудничеству ради следующих поколений, ради «перехода к новому». На их фоне Европа предстает пессимистичной, исчерпавшей себя для культурного подвига. Угасание Европы, как отмечает Ландау, происходит насильственным путем, что дает повод подумать о том, действительно ли исчерпаны ее творческие возможности. Гибель Европы от порочности и исчерпанности имеет мало общего с представлением о конце европейской культуры, поскольку этот конец связан с ее внутренней эволюцией и завершенностью (в смысле законченностью), что, по Шпенглеру, есть закономерный период любой культуры. Ландау считает важным отразить и сравнить свою концепцию с концепцией Шпенглера, так как существуют различия в их восприятии заката европейской культуры.

Важным в концепции Ландау становится органическая модель культуры, то есть понимание ее как состояний «подвижного равновесия и динамического претворения противоречивых и согласуемых в органическом единстве сил», самодовлеюще функционирующую целостность частей в себе, из себя и для себя (с. 290). Культуре как организму свойственна имманентная противоречивость и сверхнапряжение функций. Новоевропейская культура основывается на динамике и партикуляризме, на идее и факте свободы, на личности и ее инициативах. Это есть культура комплексного мотива, который предполагает восприятие, понимание, созерцание предметов и явлений в их составленности из частей (с. 300). От идеи органического единства через идею функции к идее бесконечностей последовательных мощностей и идее эволюции. Культуре комплексного мотива характерен глубинный реализм: объективное, абсолютное реально, а реальность объективна и абсолютна. Этим определяется основное отличие комплексного миропостроения от формального (Платон — Аристотель) и субстанциального (Бруно — Спиноза). Для эпохи характерно также и отсутствие образа тотальности, и, следовательно, ослабленность религиозного момента.

Новоевропейская культура, полная противоречий и конфликтов, была сильна и полна. Она была самодовлеюще значима, могла стать опорой для всякой будущей возможной культуры, но случилась катастрофа, повлиявшая на всю культуру и жизнь Европы целиком.

Ландау описывает самоубийство Европы, к которому она пришла. Описание это не наполнено злобой или ненавистью, оно, как у Марка Алданова, интеллектуально близкого Ландау, полно тоски и грусти. Оба любили и ценили культуру, созданную Европой, осознавали ее значимость. И тот и другой при-

давали важное значение историческим личностям, случаям как триггерам истории: у Ландау это Клемансо, Бетман-Гольвег, Бисмарк, Вильсон; у Алданова — Владимир Ленин, Наполеон.

Книга дает читателю цельную и детальную картину определенного времени и определенного человека в лице Григория Ландау. С ее помощью контекст изучения философии русского зарубежья может быть значительно расширен. Ландау формирует теоретическую рамку, которая вбирает в себя буквально все сферы общественной жизни, и, рассматривая каждую в отдельности, находит предпосылки, причины и объяснения того, почему европейская культура будет претерпевать изменения и как именно она это будет делать.

Список источников

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. I. 398 с.

References

Stepun, F.A. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesya. Tom I [The Past and the Unfulfilled. Vol. I]*. New-York: Publ. named after Chekhov.

Информация об авторе: Е. А. Гуреева — студентка Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: E. A. Gureeva — student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 02.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 02.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.